

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-4>

УДК 334.7, 338.43

JEL P25, Q13, Q18

К. Ю. Волошенко ^{а)}, О. П. Иванова ^{б)}, А. В. Лялина ^{в)} ^{г)},
К. А. Морачевская ^{д)}, А. П. Плотникова ^{е)}

^{а), б), д)} Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

^{в)} Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Российская Федерация

^{г)} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Малые формы хозяйствования в обеспечении продовольствием российского приграничья: региональные особенности и различия¹

Аннотация. В условиях санкционного давления недружественных по отношению к России стран особое значение для приграничных регионов с учетом их геостратегической роли приобретают вопросы безопасности, в том числе продовольственной. Тенденции к укрупнению сельскохозяйственного производства и его значительное пространственное сжатие до агломерационных зон в РФ актуализируют вопрос состояния малых форм хозяйствования, важных для сохранения многоукладности аграрного сектора и поддержания устойчивости сельской местности. В статье выявляется региональная дифференциация роли малых форм хозяйствования в самообеспечении российского приграничья отдельными продуктами питания. С использованием авторского подхода к пространственной типологизации по уровню самообеспечения продуктами питания и доле малых форм хозяйствования 48 приграничных регионов в границах России до 2022 г. разделены по четырем типам для основных групп продовольствия (молоко, скот и птица, овощи, фрукты). Анализ показал, что ключевую роль в региональной дифференциации все еще играет сложившаяся сельскохозяйственная специализация, обусловленная принадлежностью к агроклиматическим зонам. Кроме того, влияние оказывают другие значимые географические характеристики (площадь, пространственная удаленность от основных центров расселения и их транспортная доступность, степень периферийности, динамика систем расселения и пр.), а также режим и функции государственных границ. Роль малых форм хозяйствования относительно устойчива в производстве отдельных видов продукции на контактных участках границ России. Наконец, институциональный фактор, выраженный в значительной государственной поддержке производителей в целях импортозамещения, разнонаправленно сказался на состоянии малых форм хозяйствования, т. к. в одних случаях это вызвало укрепление последних, а в других – значение малых производителей было нивелировано галопирующим ростом крупных игроков рынка. Представленные результаты могут использоваться при разработке мер государственной поддержки малых форм хозяйствования, а дальнейшие исследования связаны с совершенствованием их пространственной организации в интересах роста обеспечения населения приграничных регионов продовольствием.

Ключевые слова: уровень самообеспечения продовольствием, малые формы хозяйствования, региональные различия, приграничные регионы

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-27-00098, <https://rscf.ru/project/25-27-00098/>.

Для цитирования: Волошенко, К. Ю., Иванова, О. П., Лялина, А. В., Морачевская, К. А., Плотникова, А. П. (2026). Малые формы хозяйствования в обеспечении продовольствием российского приграничья: региональные особенности и различия. *Экономика региона*, 22(1), 45–58. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-4>

¹ © Волошенко К. Ю., Иванова О. П., Лялина А. В., Морачевская К. А., Плотникова А. П. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Ksenya Yu. Voloshenko ^{a)}, Olga P. Ivanova ^{b)}, Anna V. Lialina ^{c)},
Kira A. Morachevskaya ^{d)}, Angelina P. Plotnikova ^{e)}

^{a), c), e)} Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

^{b)} Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

^{d)} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Small Farms and Food Supply in Russian Border Regions: Regional Patterns and Differences

Abstract. In the context of sanctions imposed by countries deemed “unfriendly” by the Russian government, issues of security, particularly food security, have become especially significant for border regions due to their geostrategic importance. At the same time, ongoing trends toward the consolidation of agricultural production and its spatial concentration in agglomeration zones highlight the role of small farms. These farms are essential for preserving agricultural diversity and supporting the sustainability of rural areas. This article examines regional differences in the contribution of small farms to food production capacity of Russian border regions. Using an original spatial typology based on levels of food production capacity and the share of small farms, 48 border regions (within Russia’s borders as of 2022) were classified into four types across key product groups: milk, livestock and poultry, vegetables, and fruit. The results show that established agricultural specialization, which is largely determined by agroclimatic conditions, remains a key factor in regional differentiation. Additional geographic characteristics, including region size, distance from major population centres, transport accessibility, degree of peripherality, and settlement dynamics, also play an important role, as do the regime and functions of state borders. The contribution of small farms to the production of certain goods remains relatively stable, particularly in border contact zones. However, institutional factors, especially state support policies aimed at import substitution, have had mixed effects. In some cases, such support has strengthened small farms, while in others it has reduced their relative importance due to the rapid expansion of large agricultural enterprises. The findings can inform the development of targeted state support measures for small farms. Future research should focus on improving their spatial organization to enhance food security in border regions.

Keywords: food production capacity, small farms, regional differences, border regions

Acknowledgments: This study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-27-00098, <https://rscf.ru/project/25-27-00098/>.

For citation: Voloshenko, K. Yu., Ivanova, O. P., Lialina, A. V., Morachevskaya, K. A., & Plotnikova, A. P. (2026). Small Farms and Food Supply in Russian Border Regions: Regional Patterns and Differences. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(1), 45–58. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-4>

Введение

Продовольственная безопасность России в условиях современных внешних вызовов и ограничений остается одним из важнейших вопросов национальной безопасности страны в целом. Поэтому рост производства продовольствия определен в качестве национальной цели развития России на период до 2030 г.¹, а ее достижение зависит от пространственного развития сельских территорий². Это объясняется следующим. Развитие сельских территорий опирается на традиционный сельский уклад жизни, который свя-

зан в первую очередь с занятостью населения в сельском хозяйстве (Гаврилюк и др., 2023), что в определенной мере способствует росту производства продовольствия. При этом особое значение с учетом сохранения многоукладности современной аграрной экономики здесь принадлежит малым формам хозяйствования. В экономической литературе используются разные подходы к определению понятия «малые формы хозяйствования» (далее — МФХ). Учитывается содержание как искомой категории субъектов малого и среднего предпринимательства, так и выделяемых групп производителей сельскохозяйственной продукции, включенных в статистические наблюдения Росстата. Поэтому к МФХ обычно относят малые предприятия, в том числе микропредприятия, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальных предпринимателей, а также хозяйства населения.

Значение МФХ в обеспечении продовольствием раскрывается непосредственно через их ключевые экономическую и социальную роли,

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.09.2005).

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 №4146-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.09.2005).

неразрывно связанные с развитием сельских территорий. Экономическая роль МФХ обусловлена высокой гибкостью и адаптивностью (Старкова, 2021), способностью быстро менять или расширять продуктовую специализацию (Чекунов, 2018; Alexandri & Luca, 2014). В этой связи МФХ часто занимают сферы производства продовольствия, которые мало привлекательны для крупного бизнеса, достаточно трудоемки или сохраняют мелкотоварные формы по причине специфичности производимой продукции при сложившихся потребительских предпочтениях (например, производство оленины, крафтовых сыров и пр.). В результате деятельность МФХ оказывает непосредственное влияние на уровень обеспечения отдельными видами продовольствия. Социальная роль МФХ выступает неотъемлемым условием совершенствования организации производства и обеспечения доступности продовольствия для населения. Так, за счет развития МФХ поддерживается занятость и самозанятость, в целом обеспечивается рост уровня доходов населения в сельской местности, что влияет на экономическую доступность продовольствия (Долгушкин, 2025; Попов, 2022; Ibarrola-Rivas et al., 2023). МФХ позволяют удерживать население в сельской местности (Попов, 2022; Rodrigues Fortes et al., 2020), и по мере развития сельских территорий обеспечивается рост физической доступности продовольствия. Это касается как роста производства продовольствия, так и развития торговли, транспорта, хранения продуктов питания и др. Однако парадокс МФХ состоит в том, что, сохраняя гибкость и адаптивность, они в то же время обладают высокой уязвимостью к внешним воздействиям. Доказано, что размер хозяйства прямо влияет на выбор стратегий адаптации (Stringer et al., 2020; Sommerville, 2025; Kheyfets & Chernova, 2024; Marsden et al., 2023). Для МФХ важен льготный доступ к кредитным ресурсам и технологиям, в то время как крупные игроки рынка адаптируются путем корректировки собственной рыночной стратегии (Stringer et al., 2020).

Несмотря на высокую значимость МФХ в вопросах обеспечения населения продовольствием, их удельный вес в производстве в течение последних лет стабильно снижался, в том числе по причине сокращения их общего числа. Это обусловлено уходом небольших хозяйств, которые наиболее уязвимы, не имеют финансовой прочности против более крупных игроков (Башмачникова, 2023). По мнению многих авторов, сложившаяся ситуация является результатом развития крупных сельскохозяйственных производителей, в том числе в форме агрохолдингов (Егоров и др., 2019), которые «...трансформируют территориальную организацию сельскохоз-

ственного производства, ускоряя процессы поляризации» (Морачевская и др., 2024). Данные изменения недостаточно отражены в государственной политике по управлению АПК (Узун и др., 2022), как следствие, крупные производители выступают и основными получателями финансовой поддержки (субсидии, гранты, агро-стартапы и т. д.). Усиливаются пространственные диспропорции в развитии сельского хозяйства и территорий, которые приобретают наибольшую остроту для приграничных регионов.

Цель исследования состоит в оценке значения малых форм хозяйствования в обеспечении продовольствием российского приграничья и установлении причин региональных различий. Авторами решаются следующие задачи. Во-первых, провести анализ значения малых форм хозяйствования в производстве и обеспечении продовольствием приграничных регионов России в период 2019–2023 гг. Во-вторых, на основе полученных оценок типологизировать приграничные регионы России с учетом доли сельского населения в общей численности населения региона. В-третьих, для каждого типа регионов по видам продукции выявить пространственные особенности и причины различий в значении малых форм хозяйствования в обеспечении продовольствием.

Выбор приграничных регионов в качестве объекта исследования обусловлен рядом причин. Во-первых, приграничье — это буфер всех внешнеэкономических и внешнеполитических преобразований. Во-вторых, отдельные приграничные регионы входят в перечень геостратегических территорий России. В-третьих, периферийность большей части регионов российского приграничья в ситуации геополитической неопределенности нередко отталкивает крупный бизнес от границ в глубь страны. В-четвертых, приграничные регионы на отдельных участках границы используют свое географическое положение для обеспечения ресурсами (например, трудовыми (Мишук, 2021)).

Исходные данные и методы

В рамках данного исследования в составе МФХ учитываются только крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели (далее — КФХ и ИП), хозяйства населения, по которым Росстатом публикуются в открытом доступе статистические данные. С использованием статистических и аналитических методов по приграничным регионам России на интервале 2019–2023 гг. анализируются: 1) доля МФХ в производстве продукции (по видам), 2) уровень самообеспечения по основным видам продуктов питания, 3) доля сельского населения в общей численности населения региона. Рассматриваются основные виды продукции:

молоко, скот и птица (мясо), овощи, фрукты — по которым Росстатом публикуются сведения об уровне самообеспечения. Исключены из анализа картофель по причине его выращивания преимущественно МФХ, а также яйца, в связи с концентрацией производства в сельскохозяйственных организациях. В анализе МФХ учитывались особенности сельскохозяйственного районирования субъектов РФ. Используются статистические данные, характеризующие уровень самообеспечения по основным видам продуктов питания¹. Безусловно, данный показатель не лишен недостатков (Волошенко и др., 2022). В целом показатель может давать неверное представление о росте самообеспечения при заметном сокращении потребления продовольствия на душу населения или снижении численности населения. Поэтому по исследуемым регионам была проведена оценка изменения указанных факторов, которая не выявила существенных отклонений, влияющих на уровень самообеспечения, что позволило допустить использование искомого показателя в настоящем исследовании.

Типологизация приграничных регионов проводилась с использованием следующего алгоритма (рис. 1).

На первом этапе регионы группируются по уровню достижения порогового значения самообеспечения продовольствием, установленно-го в Доктрине продовольственной безопасности РФ². По каждому виду продукции выделена группа регионов с уровнем самообеспечения выше установленного порогового значения, а также группы с равными интервалами по 20–30–40 %, где уровень самообеспечения ниже порогового значения. На втором этапе в каждой группе проводится распределение приграничных регионов по рассчитанной доле МФХ на основе данных Росстата о производстве продукции в хозяйствах всех категорий (молока, скота и птицы, овощей и фруктов).

Для всех исследуемых видов продукции установлены следующие интервалы по доле МФХ в производстве: до 9,9 %, 10,0–39,9 %, 40,0–69,9 %, 70,0–100,0 %, которые наиболее приближены к фактически сложившемуся распределению приграничных регионов по формам хозяйствования. На третьем этапе проводится оценка групп с точки зрения возможности выделения типов регионов, исходя из особенностей пространственной организации производства. В исследовании рас-

сматриваются приграничные регионы России в ее государственных границах до 2022 г.

Результаты и их обсуждение

Анализ значения малых форм хозяйствования в производстве и обеспечении продовольствием российского приграничья позволил выявить следующие пространственные особенности и региональные различия.

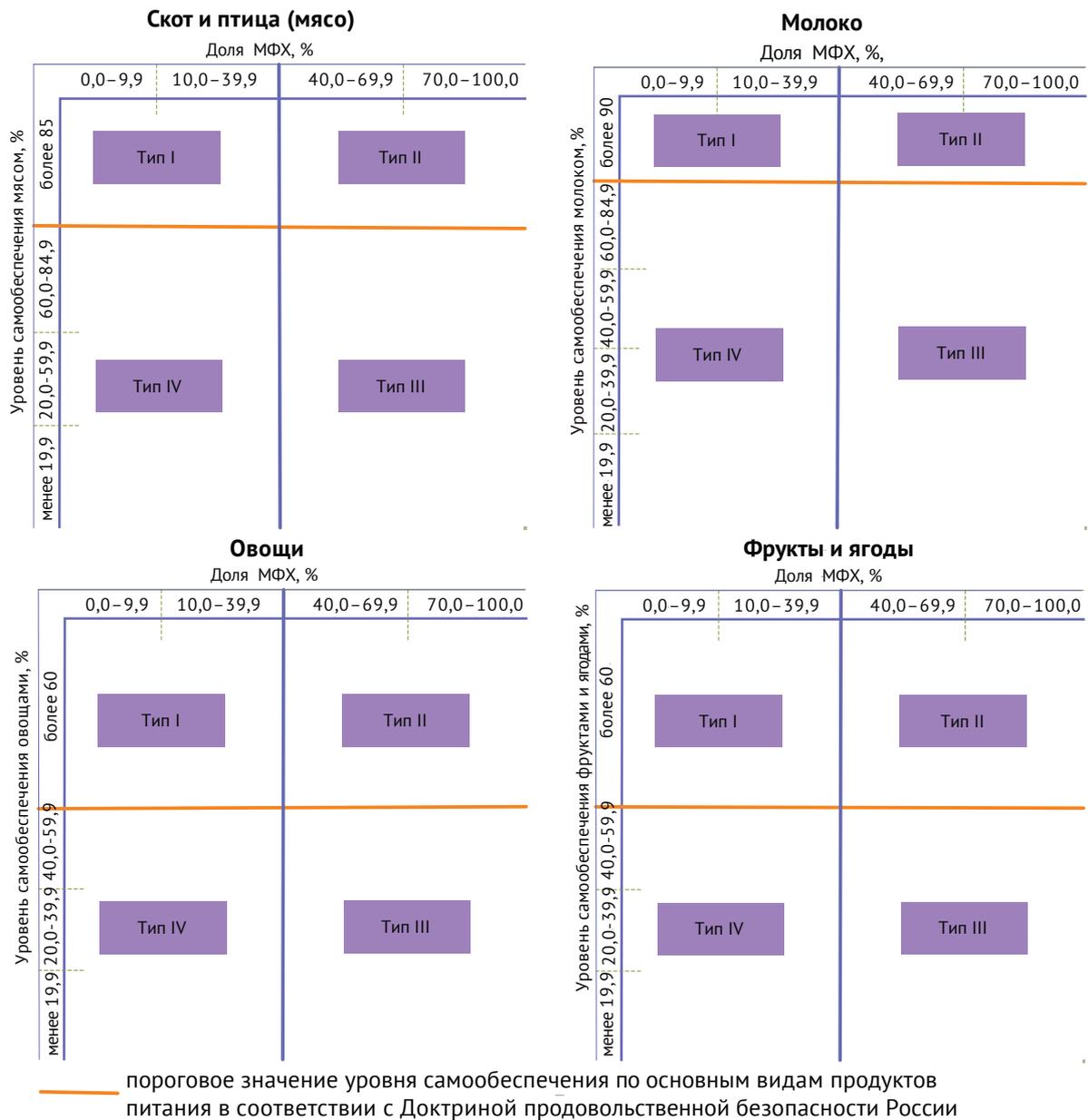
Молоко. Распределение приграничных регионов по четырем выделенным типам достаточно неравномерное, однако каждый тип представлен восьмью и более субъектами РФ (17 %) — рисунок 2.

Тип I включает восемь регионов с высоким уровнем самообеспечения молоком (выше порогового значения) и невысокой долей МФХ (менее 39,9 %). Максимальные значения самообеспечения (120,0–160,0 %) достигаются в Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областях с высокой плотностью населения вблизи крупных городских агломераций. Сельское хозяйство в Ленинградской (112,3 %) и Псковской областях (103,7 %) специализируется на мясомолочном животноводстве, в том числе в силу природно-климатических условий. В Ленинградской области развитие также получило пригородное молочное животноводство. Эти регионы устойчиво входят в сферу интересов крупных агрохолдингов. Кроме того, включенность значительных территорий в агломерационные зоны предопределяет несельскохозяйственную занятость населения. Это ведет к крайне низкой доле МФХ. К данному типу относятся также Краснодарский край (104,7 %) с интенсивным сельскохозяйственным освоением земель и Новосибирская область (93,4 %) с преимущественно пригородным сельским хозяйством.

К *типу II* отнесены 14 регионов, полностью обеспеченные молоком, с долей МФХ более 70,0 %, а также два региона с долей МФХ 40,0–69,9 %. Это республики с традиционными направлениями молочного скотоводства на Северном Кавказе и Алтае, в горах Юга Сибири. В Якутии также развиты традиционные направления молочного скотоводства ввиду экстремальных природно-климатических условий и низкой плотности населения. Волгоградская, Ростовская, Оренбургская и Саратовская области выделяются относительной высокой долей в общероссийском производстве крупного рогатого скота (КРС) и богатой кормовой базой для мясомолочного животноводства. Невысокая доля крупных агропредприятий по производству молока здесь обусловлена растениеводческой специализацией сельского хозяйства и относительной удаленностью от крупнейших центров потребления. Повышенная доля сельскохозяйственных организаций сложилась в Алтайском крае (52,2 %)

¹ Росстат. (2024). Уровень самообеспечения основными продуктами питания по РФ и субъектам РФ. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/K_so.xls (дата обращения: 13.02.2025).

² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 №20. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 10.09.2005).

Рис. 1. Типологизация приграничных регионов России по уровню самообеспечения и доли МФХ в производстве продовольствия (источник: разработано авторами)

Fig. 1. Typology of Russian Border Regions by Food Production Capacity and the Share of Small Farms in Food Production (Source: developed by authors)

и Омской области (45,1 %). Алтайский край традиционно входит в десятку регионов-лидеров по производству молока, что обеспечено в том числе государственной поддержкой. В Омской области развитие агрохолдингов обусловлено, как и в регионах типа I, необходимостью обеспечения спроса со стороны города-миллионника.

Тип III объединил 15 регионов с более низким уровнем самообеспечения молоком и относительно высокой долей МФХ в производстве. Наиболее неблагоприятная ситуация в Магаданской области и Хабаровском крае, где уровень самообеспечения молоком не достигает и 20 %, а также в Еврейской АО (28,9 %). В Республике Бурятия, Забайкальском, Приморском и Камчатском краях

он ниже 60 %. Развитие молочного скотоводства здесь значительно ограничено неблагоприятными агроклиматическими ресурсами и происходит в условиях преимущественно пригородных хозяйств населения, а также КФХ. Самарская и Челябинская области специализируются соответственно в растениеводстве и мясном скотоводстве. Выше 60 % уровня самообеспечения достигли только регионы, расположенные в благоприятных агроклиматических условиях юга России (Калмыкия, Крым, Астраханская область, Чечня), но специализирующиеся на производстве иных (традиционных) видов сельскохозяйственной продукции. Амурская и Курганская области выделяются невысокой численностью

Рис. 2. Типы приграничных регионов России. Производство молока (источник: расчеты авторов по данным Росстата)

Fig. 2. Types of Russian Border Regions: Milk Production (Source: compiled by the authors based on Rosstat data)

населения, поэтому потенциала МФХ достаточно для достижения близкого к пороговому уровню самообеспечения молоком (>80 %).

Тип IV. Шесть из восьми регионов превысили значение самообеспечения молоком в 60 % при преобладании в структуре производства сельскохозяйственных организаций и крупных агрохолдингов (60–90 %). Регионы характеризуются преимущественно компактным проживанием населения, сравнительно невысокой долей сельского населения (17–27 %) и специализируются на молочно-мясном скотоводстве при относительно небогатой кормовой базе. Наиболее низкие показатели по самообеспечению отмечаются в Республике Карелия (47,5 %) и Мурманской области (10,3 %) в связи с их принадлежностью к агроклиматическим зонам, где производство молока ограничено.

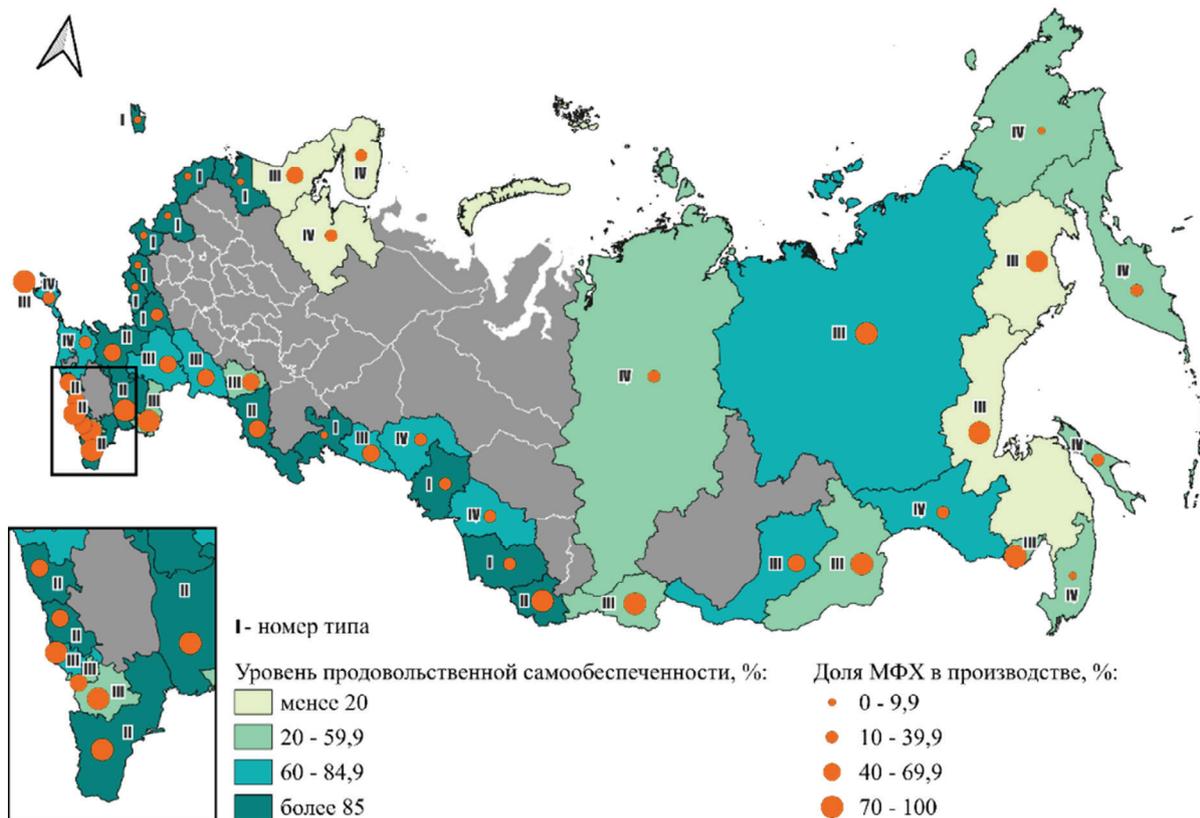
Скот и птица (мясо). Присутствуют особенности размещения производства, которые обусловили роль МФХ в выделенных типах приграничных регионов (рис. 3).

Тип I. Включены в первую очередь приграничные регионы, которые являются крупными производителями скота и птицы в России (Белгородская, Брянская, Курская, Воронежская, Псковская области), поэтому уровень их самообеспечения мясом превышает пороговое значение. Для указанных регионов характерны вы-

сокая концентрация производства и предельно низкая доля МФХ — менее 10 %. Рост производства скота и птицы в основном обеспечен региональными и межрегиональными агрохолдингами. В отличие от вышеупомянутых регионов, в Алтайском крае и Омской области МФХ обеспечивают до 30 % производства скота и птицы. Это объясняется особенностями их специализации в сферах, которые традиционно представлены МФХ (производство лошадей, кроликов, оленей, овец и коз и пр.).

Особенности МФХ связаны со специализацией данного типа регионов в производстве продукции, развитие которого определяется благоприятными агроклиматическими условиями и потребностями как внутреннего регионального рынка, так и расположенных рядом регионов и крупных городов.

Тип II. Включает регионы, различающиеся долей МФХ, но характеризующиеся уровнем самообеспечения, превышающим установленное пороговое значение. В Ростовской и Оренбургской областях, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках доля МФХ составляет от 40 до 69,9 %. В республиках Калмыкия, Дагестан и Алтай доля МФХ выше 70 %. На структуру производства по категориям хозяйств значительное влияние оказывают представленные в регионах виды продукции животноводства.

Рис. 3. Типы приграничных регионов России. Производство скота и птицы (источник: расчеты авторов по данным Росстата)
Fig. 3. Types of Russian Border Regions: Cattle and Poultry Production (Source: compiled by the authors based on Rosstat data)

Особенности МФХ данного типа связаны с географическими характеристиками входящих в него приграничных регионов. Птицеводство, свиноводство, кролиководство обслуживают крупного потребителя пригородной зоны (Ростовская, Оренбургская области). Овцеводство распространено в сухих степях, полупустынях и горных районах (Республики Калмыкия и Дагестан). Мясное коневодство является исторически сформировавшейся отраслью для республик Калмыкия, Дагестан и Алтай.

Тип III. Выделяется шесть регионов с уровнем самообеспечения мясом от 60 до 85 %; семь регионов — от 20 до 59,9 %; три региона — менее 19,9 %.

В число первых входят Волгоградская область, Республика Бурятия, Саратовская и Курганская области, республики Северная Осетия — Алания и Саха (Якутия). Более широкая специализация характерна для регионов лесостепной и степной зон. Преобладающее значение имеют хозяйства населения по причине невысокой товарности производимой продукции. В отдельных регионах (республики Бурятия, Северная Осетия — Алания, Саха (Якутия), Курганская область) получили развитие традиционные виды животноводства, что обусловлено природно-климатическими условиями, благоприятными для формирования кормовой базы.

Во второй подгруппе находятся республики Ингушетия, Чеченская и Тыва, Самарская, Астраханская области, Забайкальский край, Еврейская АО. Здесь представлены традиционные производства овец и коз, лошадей, которые сосредоточены в хозяйствах населения, а в Астраханской области и Чеченской Республике также развито производство КРС.

К последней подгруппе отнесены Республика Карелия, Хабаровский край и Магаданская область, где объемы производства скота и птицы недостаточные и представлены в хозяйствах населения. Это объясняется экстремальными природно-климатическими условиями.

Тип IV. Выделяется три подгруппы регионов по уровню самообеспечения мясом: 1) от 60,0 до 84,9 %, 2) от 20,0 до 59,9 %; 3) менее 19,9 %.

К первой группе отнесены Республика Крым, Краснодарский край, Новосибирская, Тюменская и Амурская области. Производство скота и птицы (КРС, кролики, лошади, птица, свиньи) представлено в основном в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения. Тюменская область выделяется общероссийским производством оленей — 52,7 %.

Во второй подгруппе находятся такие регионы, как Красноярский, Приморский и Камчатский края, Сахалинская область, Чукотский АО. В Красноярском крае достаточно развито производство кроликов, оленей, лошадей, КРС и сви-

ней, которое преимущественно представлено в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения, доля КФХ и ИП незначительна. Камчатский край выделяется производством оленей, которое представлено сельскохозяйственными организациями. В Приморском крае и Чукотском АО преобладает производство оленей и свиней, но при участии сельскохозяйственных организаций. Сахалинская область имеет уровень самообеспечения мясом 22,9 % (2023 г.), однако это объясняется незначительной численностью и низкой плотностью населения.

В третьей подгруппе — Архангельская и Мурманская области, которые имеют небольшие объемы производства в связи с неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Дифференциация роли МФХ в регионах в обеспечении мясом связана с их следующими географическими характеристиками: либо занимают значительные по площади территории (Красноярский край, Тюменская область и др.), охватывая различные агроклиматические зоны, наименее благоприятные для ведения сельского хозяйства, либо относятся к зонам с экстремальными природно-климатическими условиями (Камчатский край, Сахалинская область и др.). Поэтому роль МФХ возрастает в южных районах регионов в обслуживании крупных потребителей (птицеводство, кролиководство, свиноводство и т. д.). Частично МФХ представлены в северных районах, где развито отгонное животноводство и производство оленины.

Овощи. Развитие овощеводства в России имеет общие черты для всех регионов. Во-первых, ключевые позиции в производстве овощей традиционно занимают южные районы страны, прежде всего Республика Дагестан, Астраханская и Ростовская области, Краснодарский край и др. Однако современные агротехнологии позволяют развивать овощеводство практически во всех регионах. Во-вторых, МФХ занимаются преимущественно выращиванием овощей открытого грунта, сельскохозяйственные организации — производством овощей защищенного грунта, т. к. оно требует значительных капитальных вложений. В-третьих, сохраняется государственная поддержка МФХ, что будет способствовать росту производства. В частности, это касается действия «агроагрегаторов», функции которых в развитии инфраструктуры рынка фермерской продукции были законодательно закреплены с 2025 г. В овощеводстве выделены следующие типы приграничных регионов (рис. 4).

Tun I. Приграничные регионы с уровнем самообеспечения овощами выше 60 % и долей МФХ до 39,9 % не выявлены. Во всех исследуемых приграничных регионах с уровнем самообеспечения овощами выше порогового значения

доля МФХ составляет не менее 40 %. Это еще раз подтверждает, что сфера овощеводства малопривлекательна для крупного агробизнеса.

Tun II. При высоком уровне самообеспечения овощами (выше 60 %) выделяются подгруппы приграничных регионов в зависимости от доли МФХ: 1) от 40 до 69,9 % и 2) более 70 %.

В первую подгруппу включаются крупные центры овощеводства России с благоприятными агроклиматическими условиями: Волгоградская область (8,2 %), Краснодарский край (5,7 %), Кабардино-Балкарская Республика (3,4 %), Саратовская (2,7 %), Самарская (2,2 %), Белгородская (1,8 %), Ленинградская (1,3 %) области.

При этом в равной степени представлены как крупные производители, так и МФХ, что свидетельствует об укрупнении производства, но доказывает и эффективность последних. В Сахалинской, Курганской, Смоленской областях, Карачаево-Черкесской Республике развитие овощеводства обеспечивается в том числе за счет мер господдержки.

Во второй подгруппе выделяются регионы — ведущие центры овощеводства России, поэтому уровень самообеспечения для многих из них с учетом плотности населения выше 200 %: Астраханская (13 % общероссийского производства овощей), Волгоградская области (8,2 %), Республика Дагестан (9,3 %). Ростовская область обеспечивает производство 4,1 % овощей в России, Воронежская область — 2,5 %. Также в группу включены Брянская, Курская области, Республика Крым, Алтайский край, Оренбургская и Омская области.

Уровень самообеспечения овощами для данного типа в целом определяется развитием пригородного сельского хозяйства, учитывая как агроклиматические условия, так и особенности системы расселения, поэтому доля МФХ выше в сравнении с первым типом.

Tun III. Включает три подгруппы регионов по уровню самообеспечения овощами: 1) от 40 до 59,9 %; 2) от 20 до 39,9 %; 3) менее 19,9 %.

В первой подгруппе выделяются Калининградская, Псковская, Челябинская, Амурская, Магаданская области, Республики Калмыкия и Бурятия, Красноярский край с долей МФХ выше 70 %. Близки к достижению порогового значения уровня самообеспечения овощами Республика Бурятия (59,4 %) и Калининградская область (56,6 %), а в остальных регионах данного типа самообеспеченность составляет в среднем 40–35 %. В регионах с благоприятными агроклиматическими условиями производство овощей развивается в пригородных зонах вблизи крупных потребителей. В Республике Бурятия, а также Амурской, Магаданской областях активно

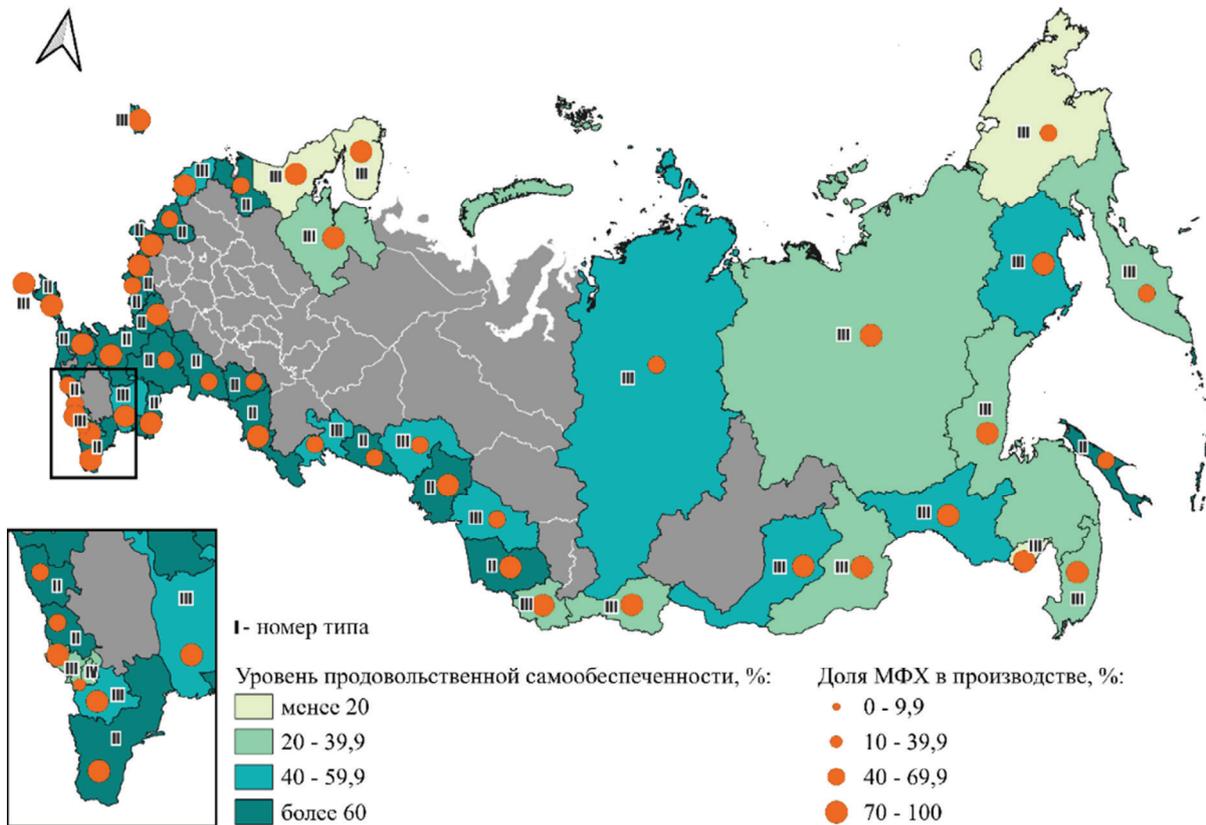

Рис. 4. Типы приграничных регионов России. Производство овощей (источник: расчеты авторов по данным Росстата)
 Fig. 4. Types of Russian Border Regions: Vegetables Production (Source: compiled by the authors based on Rosstat data)

развиваются тепличные хозяйства. В Чеченской Республике, Тюменской и Новосибирской областях доля МФХ составляет от 40,0 до 69,9 % при ведущей роли сельскохозяйственных организаций и хозяйств населения.

Вторая подгруппа включает восемь регионов с долей МФХ выше 70 %, а также Камчатский край (64,6 %). Эти регионы в большей степени специализируются в мясомолочном животноводстве, а в растениеводстве представлены сельскохозяйственные культуры, соответствующие их природно-климатическим условиям (зерновые, технические культуры, картофель и др.).

Наихудшая ситуация складывается в третьей подгруппе — регионах с неблагоприятными агроклиматическими условиями для выращивания овощей: Республика Карелия, Чукотский АО, Мурманская область и Еврейская АО.

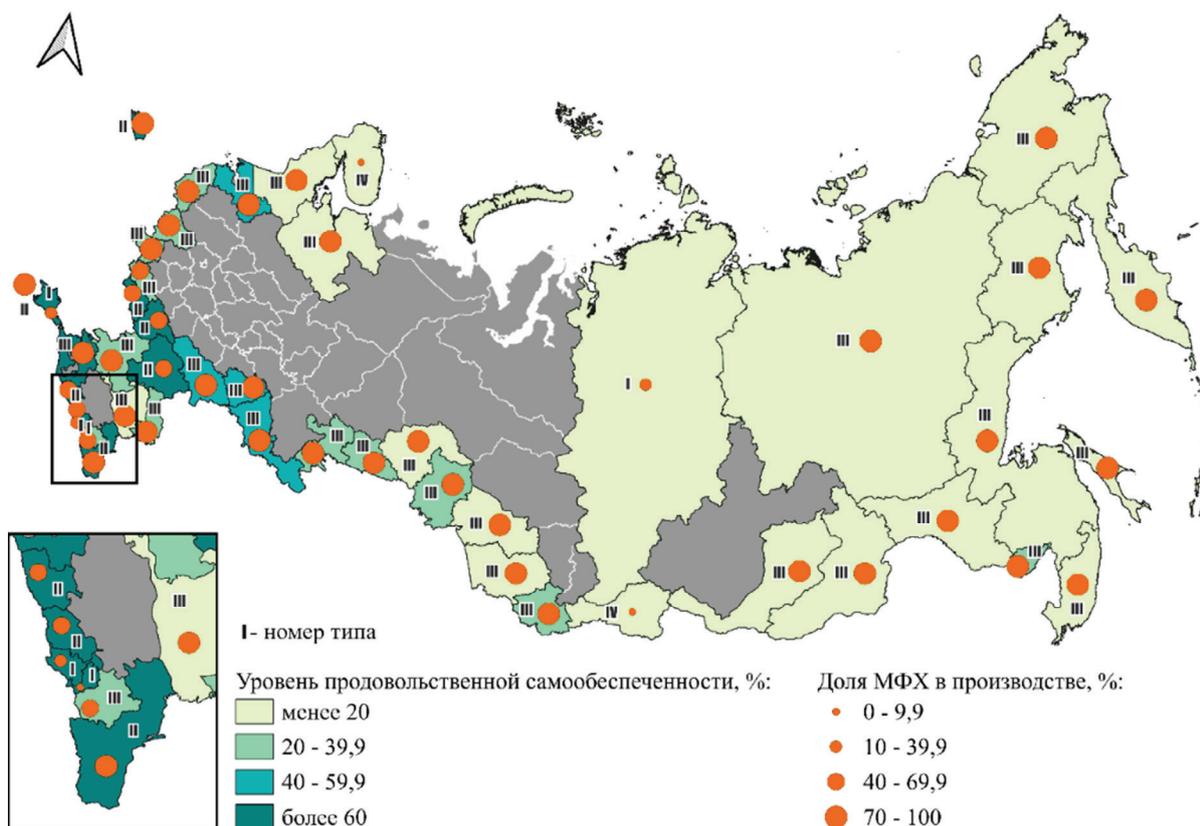
К *типу IV* относится только Республика Ингушетия с уровнем самообеспечения 20,9 % и долей МФХ 32,5 % (КФХ и ИП — 40 %, хозяйства населения — 60 %). Регион расположен в зоне степи с черноземными почвами и лесостепи со среднемоющими черноземами и горно-луговыми почвами. Овощи выращиваются в открытом грунте, активно развиваются тепличные хозяйства. В овощеводстве представлены капуста, огурцы, томаты, лук, морковь, зелень.

Фрукты. Производство фруктов в российских регионах традиционно осуществляется пре-

имущественно в МФХ (рис. 5). В большинстве рассматриваемых регионов (34 из 47) сохраняется недостаточный уровень самообеспечения фруктами — ниже порогового значения 60 %. Регионы, превысившие этот порог, объединены в типы I и II.

Из числа приграничных только в восьми регионах доминируют сельскохозяйственные организации, еще в трех на них приходится около 40–45 %. Распространенность МФХ обусловлена выращиванием фруктов для собственного потребления. Концентрация производства фруктов в хозяйствах населения (54,6 % — в среднем по РФ, 78,7 % — по приграничным регионам) сопряжена с недостаточной распространенностью фермерства (доля по РФ — 7,2 %, по приграничным регионам — 2,8 %).

Тип I включает три приграничных региона с уровнем самообеспечения фруктами, превышающим 100 % (республики Ингушетия, Крым, Северная Осетия — Алания), а также Краснодарский край (72,1 %), что достигается развитием промышленного садоводства. Деятельность крупных сельскохозяйственных организаций и агрохолдингов в этих регионах направлена на обеспечение потребности общественного рынка сбыта. Развитию промышленного садоводства в регионах Северного Кавказа, Крыму, Краснодарском крае способствует реализация с 2014 г. крупных инвестиционных

Рис. 5. Типы приграничных регионов России. Производство фруктов (источник: расчеты авторов по данным Росстата)
Fig. 5. Types of Russian Border Regions: Fruit and Berries Production (Source: compiled by the authors based on Rosstat data)

проектов по строительству плодохранилищ. Производство фруктов в МФХ представлено в большей степени в хозяйствах населения.

Tun II объединяет пять регионов со средней долей МФХ (40–69,9 %) и два — с высокой (более 70 %). В первую подгруппу входят республики Северного Кавказа, а также Белгородская, Воронежская, Волгоградская области, в которых активно происходит укрупнение производств на фоне роста инвестиций в садоводство под внедрение садов интенсивного типа с высокой урожайностью. Так, в Карачаево-Черкесии доля крупного бизнеса выросла с 23 % в 2016 г. до 80 % в 2023 г. Важно отметить, что в Кабардино-Балкарии, единственном из всех приграничных регионов, получили развитие садоводческие КФХ (21 % в 2023 г.), активно пользующиеся мерами государственной поддержки закладки интенсивных садов с 2008 г. (Балаева, 2018). В 2023 г. на долю этой республики приходилось 19 % всего общестранового производства фруктов. Для регионов Центральной России данного типа стимулирующую роль в развитии промышленного садоводства также играет близость крупного рынка сбыта.

Во вторую подгруппу включены Калининградская область и Республика Дагестан. В первом случае развитие МФХ обусловлено ростом государственной поддержки отрасли садоводства после 2014 г. в целях импортозамещения (Волощенко и др., 2022). В Дагестане, где больше половины на-

селения республики живет в сельской местности, виноградарство является традиционно отраслью сельскохозяйственной специализации.

Tun III. Самый многочисленный по составу тип объединил регионы трех подгрупп в зависимости от уровня продовольственного самообеспечения. Производство фруктов осуществляется преимущественно в садах хозяйств населения (более 70 %). Только в Курской области и Чечне доля МФХ сопоставима с долей крупных производителей (45–55 %). Процессы укрупнения в этих регионах обусловлены теми же факторами, что и в регионах типа II.

Регионы с уровнем самообеспечения 40–59,9 % включают Ленинградскую, Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую области, где садоводство представлено в пригородных хозяйствах населения, чему способствуют в том числе благоприятные агроклиматические условия.

Регионы с уровнем самообеспечения 20–39,9 % сосредоточены в европейской части России (Брянская, Смоленская, Псковская, Астраханская области, расположенные в относительно благоприятных агроклиматических условиях, но специализирующиеся на иных видах сельскохозяйственной продукции (скот и птица, зерно, молоко и др.)). Это также регионы азиатской части страны: малонаселенные — Республика Алтай и Еврейская АО; и более густонаселенные — Челябинская и Омская области. Регионы с неблагоприятными для садо-

водства агроклиматическими условиями даже при невысоком валовом сборе достигают уровня самообеспечения в 20–30 %.

Низким уровнем самообеспечения фруктов (менее 9,9 %) обладают регионы с неблагоприятными агроклиматическими условиями. В Калмыкии преобладают почвы, не подходящие для садоводства. В Магаданской области, Калмыкии, Забайкальском и Камчатском краях практически не производят фрукты. В Новосибирской, Тюменской области, Красноярском крае валовой сбор хотя и более масштабный, но недостаточен ввиду большого спроса.

Туп IV включает Мурманскую область и Республику Тыва, где производство фруктов ведется при крайне низком уровне мощностей сельскохозяйственных организаций.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило ранее полученные выводы о том, что основные различия в показателях между приграничными регионами объясняются природно-климатической предрасположенностью к специализации на том или ином виде продукции, наличием крупных потребительских центров — городских агломераций, транспортной доступностью и связностью региона с другими частями страны, а также институциональными предпосылками к развитию сложившихся агрохолдингов (Волошенко и др., 2022). Полученные оценки по приграничным регионам в данном исследовании в целом подтверждают более сильное влияние агроклиматических условий на функционирование и результаты деятельности малых против крупных форм хозяйствования (Touch et al., 2024; Abraham & Pingali, 2020). Однако при этом сохраняются принципиальные различия в развитии производства продовольствия в критически отличных агроклиматических зонах (например, условия производства фруктов или овощей в степи и тундре). В то же время наблюдаются и не вполне очевидные сочетания роли МФХ и уровня самообеспечения основными видами продуктов питания.

По результатам исследования выявлены причины региональных различий в российском приграничье по роли МФХ в производстве продовольствия.

Во-первых, в целом развитие МФХ определяется преобладающей сельскохозяйственной специализацией региона. Для специализации в мясомолочном животноводстве характерно укрупнение производств, доля МФХ невысокая или снижается, в растениеводстве — доля МФХ высокая или растет. Исключение составляют регионы, занимающие ключевые позиции в общероссийском производстве или ориентированные на крупного потребителя, а также

территории с экстремальными природно-климатическими условиями.

Во-вторых, выявлено, что принадлежность к агроклиматическим зонам в целом оказывает все менее заметное влияние на производство таких видов продовольствия, как молоко, скот и птица (мясо), причем оно слабее там, где больше распространены сельскохозяйственные организации. Это объясняется совершенствованием крупными производителями агротехнологий, техники, машин и оборудования, автоматизации производства, а также внедрением достижений селекции и генетики.

В-третьих, географические характеристики приграничных регионов с учетом занимаемой площади, их удаленности и периферийности, транспортной доступности и включенности в межрегиональный обмен, особенностей системы расселения и др. в ряде случаев обуславливают формирование специфической структуры производства по категориям хозяйств. Это связано с преобладанием в производстве или только крупных, или малых представителей агробизнеса. Примером могут выступать регионы Центральной России (Белгородская, Брянская, Курская области), в агропроизводстве ориентированные на общероссийский рынок в основной зоне расселения. Сельскохозяйственные организации составляют основу производства скота и птицы, молока в регионах Сибири с концентрацией населения в крупных городах (Красноярский край, Новосибирская область, Тюменская область) и размещаются в пригородах. В северокавказских республиках высокая доля сельского населения и традиции ведения сельского хозяйства определяют преобладание МФХ, как правило, хозяйств населения.

В-четвертых, влияние режима и функций границы на развитие сельского хозяйства проявляется по-разному в приграничных регионах. Роль МФХ сохраняется в производстве отдельных видов продукции на контактных участках границ России (прежде всего с республиками Беларусь и Казахстан, с Китаем). Интерес представляет расширение поставок оборудования, запчастей и материалов для сельского хозяйства, аналоги которых пока недостаточно представлены российскими производителями. Использование импорта в сельском хозяйстве должно быть направлено на развитие собственного внутреннего потенциала производителей за счет абсорбционных способностей, а не усиление зависимости от внешних поставок.

В-пятых, приграничные регионы, особенно на западных рубежах России, выступили главными акцепторами изменений рынков продовольствия в связи с эмбарго 2014 г. и санкционными ограничениями 2022 г. Это означает,

что именно в них высвободились значительные ниши на рынке сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, запрещенных к ввозу из стран ЕС, Норвегии и др. Это дополнительно стимулировало рост собственного производства за счет МФХ, в том числе в результате значительной государственной поддержки производителей в целях импортозамещения.

Перспективы исследования связаны с разработкой предположений по совершенствованию мер государственной поддержки малых форм хозяйствования с учетом выделенных типов приграничных регионов в связи с сохранением их ключевой роли не только в производстве продовольствия, но и в обеспечении устойчивого развития сельских территорий.

Список источников

- Балаева, С. И. (2018). Состояние и перспективы развития интенсивного садоводства в Кабардино-Балкарской республике. *Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова*, (1(19)), 66–70.
- Башмачникова, О. В. (2023). Что стоит за снижением количества КФХ и что в этой связи необходимо предпринять. *Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России*. https://www.akkor.ru/sites/default/files/sbornik_05.01_ispr_s_oblozhkoj.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
- Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Новикова, А. А., Лыжина, Е. А., Калиновский, Л. В. (2022). Трансформация продовольственной безопасности приграничного региона в условиях внешних вызовов: случай Калининградской области. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67(3), 409–430. <http://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
- Гаврилюк, М. Н., Ильичев, К. С., Орлов, С. В., Попов, В. А., Цыпкин, Ю. А. (2023). Пространственное развитие сельских территорий. *Международный сельскохозяйственный журнал*, (5(395)), 449–453. http://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_5_449
- Долгушкин, Н. К. (2025). Научное обеспечение продовольственной безопасности в условиях современных вызовов. *АПК: экономика, управление*, (1), 14–21. <http://doi.org/10.33305/251-14>
- Егоров, В. Г., Шавина, Е. В., Иншаков, А. А. (2019). Анализ и перспективы развития семейных фермерских хозяйств российской аграрной отрасли. *Инновации и инвестиции*, (6), 314–322.
- Мищук, С. Н. (2021). Китайский фактор в АПК приграничного региона: итоги 20 лет сотрудничества. *ЭКО*, (12(570)), 97–119. <http://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2021-12-97-119>
- Попов, Е. А. (2022). Социальные функции сельских фермеров (на примере Алтайского края). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22(3), 672–686. <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-672-686>
- Старкова, О. Я. (2021). Развитие малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве. *Аграрный вестник Урала*, (7(210)), 93–100. <http://doi.org/10.32417/1997-4868-2021-210-07-93-100>
- Узун, В. (2005). Эффективность крупного и малого бизнеса в сельском хозяйстве. *Вопросы экономики*, (6), 109–118. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-6-109-118>
- Узун, В. Я., Шагайда, Н. И., Гатаулина, Е. А., Шишкина, Е. А. (2022). *Холдингизация агробизнеса России*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 344.
- Чекунов, А. С. (2018). Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства сельского хозяйства и промышленности: формы, методы, направления. *Бизнес. Образование. Право*, (1(42)), 125–130.
- Abraham, M., & Pingali, P. (2020). Transforming smallholder agriculture to achieve the SDGs. In S. Gomez y Paloma, L. Riesgo, & K. Louhichi (Eds.), *The role of smallholder farms in food and nutrition security* (pp. 163–184). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42148-9_9
- Alexandri, C., & Luca, L. (2014). Implications of agrarian structures upon the agricultural supply in Romania. *Procedia Economics and Finance*, 8, 17–24. [http://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00057-4](http://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00057-4)
- Ibarrola-Rivas, M. J., Orozco-Ramírez, Q., & Guibrunet, L. (2023). How much of the Mexican agricultural supply is produced by small farms, and how? *PLOS ONE*, 18(10), e0292528. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0292528>
- Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2024). Adaptation of agriculture to new geopolitical conditions. *Studies on Russian Economic Development*, 35(5), 725–732. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700266>
- Marsden, A. R., Zander, K. K., & Lassa, J. A. (2023). Smallholder farming during COVID-19: a systematic review concerning impacts, adaptations, barriers, policy, and planning for future pandemics. *Land*, 12(2), 404. <https://doi.org/10.3390/land12020404>
- Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A., Sebentsov, A. B. & Karpenko, M. S. (2024). Adaptation of the territorial organisation of agriculture in a peripheral region to the operations of agricultural holdings. *Baltic Region*, 16(4), 121–144. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-6>
- Rodrigues Fortes, A., Ferreira, V., Barbosa Simões, E., Baptista, I., Grando, S., & Sequeira, E. (2020). Food systems and food security: The role of small farms and small food businesses in Santiago Island, Cabo Verde. *Agriculture*, 10(6), 216. <https://doi.org/10.3390/agriculture10060216>
- Sommerville, M. (2025). The geopolitics of food security. In Zak Cope (Ed.), *The Palgrave handbook of contemporary geopolitics* (pp. 1–31). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25399-7_56-1

Stringer, L. C., Fraser, E. D. G., Harris, D., Lyon, C., Pereira, L., Ward, C. F. M., & Simelton, E. (2020). Adaptation and development pathways for different types of farmers. *Environmental Science & Policy*, 104, 174–189. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.10.007>

Touch, V., Tan, D. K. Y., Cook, B. R., Liu, D. L., Cross, R., Tran, T. A., Utomo, A., Yous, S., Grunbuhel, C., & Cowie, A. (2024). Smallholder farmers' challenges and opportunities: Implications for agricultural production, environment and food security. *Journal of Environmental Management*, 370, 122536. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2024.122536>

References

Abraham, M., & Pingali, P. (2020). Transforming Smallholder Agriculture to Achieve the SDGs. In S. Gomez y Paloma, L. Riesgo, & K. Louhichi (Eds.), *The Role of Smallholder Farms in Food and Nutrition Security* (pp. 163–184). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42148-9_9

Alexandri, C., & Luca, L. (2014). Implications of Agrarian Structures upon the Agricultural Supply in Romania. *Procedia Economics and Finance*, 8, 17–24. [http://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00057-4](http://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00057-4)

Balaeva, S. I. (2018). State and the Prospects for the Development of Intensive Horticulture in the Kabardino-Balkarian Republic. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta im. V.M. Kokova [Izvestiya Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov]*, (1(19)), 66–70. (In Russ.)

Bashmachnikova, O. V. (2023). What Lies Behind the Decline in the Number of Peasant (Farmer) Households and What Needs to be Done in this Regard [Conference paper]. *Assotsiatsiya Krest'yanskikh (Fermerskikh) Khozyaistv i Sel'skokhozyaistvennykh Kooperativov Rossii [Association of Peasant (Farmer) Households and Agricultural Cooperatives of Russia]*. https://www.akkor.ru/sites/default/files/sbornik_05.01_ispr._s_oblozhkoy.pdf (Date of access: 15.02.2025). (In Russ.)

Chekunov, A. S. (2018). State Support of Small and Medium-Sized Enterprises of Agriculture and Industry: Forms, Methods and Directions. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. [Business. Education. Law]*, (1(42)), 125–130. (In Russ.)

Dolgushkin, N. K. (2025). Scientific Provision of Food Security in the Face of Modern Challenges. *APK: Ekonomika, Upravlenie [The Journal "AIC: Economics, Management"]*, (1), 14–21. <http://doi.org/10.33305/251-14> (In Russ.)

Egorov, V. G., Shavina, E. V., & Inshakov, A. A. (2019). Analysis and Prospects for the Development of Family Farms in the Russian Agricultural Sector. *Innovatsii i Investitsii [Innovation & Investment]*, (6), 314–322. (In Russ.)

Gavriluyuk, M. N., Ilyichev, K. S., Orlov, S. V., & Tsytkin, Yu. A. (2023). Spatial Development of Rural Areas. *Mezhdunarodnyi Sel'skokhozyaistvennyi Zhurnal [International Agricultural Journal]*, (5(395)), 449–453. http://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_5_449 (In Russ.)

Ibarrola-Rivas, M. J., Orozco-Ramírez, Q., & Guibrunet, L. (2023). How much of the Mexican agricultural supply is produced by small farms, and how? *PLOS ONE*, 18(10), e0292528. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0292528>

Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2024). Adaptation of agriculture to new geopolitical conditions. *Studies on Russian Economic Development*, 35(5), 725–732. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700266>

Marsden, A. R., Zander, K. K., & Lassa, J. A. (2023). Smallholder farming during COVID-19: a systematic review concerning impacts, adaptations, barriers, policy, and planning for future pandemics. *Land*, 12(2), 404. <https://doi.org/10.3390/land12020404>

Mishchuk, S. N., (2021). The Chinese Factor in Agriculture of the Border Region in the Russian Far East: Results of Twenty Years' Cooperation. *EKO [ECO]*, (12(570)), 97–119. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-12-97-119> (In Russ.)

Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A., Sebentsov, A. B. & Karpenko, M. S. (2024). Adaptation of the Territorial Organisation of Agriculture in a Peripheral Region to the Operations of Agricultural Holdings. *Baltic Region*, 16(4), 121–144. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-6>

Popov, E. A. (2022). Social Functions of Rural Farmers (On the Example of the Altai Region). *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 22(3), 672–686. <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-672-686> (In Russ.)

Rodrigues Fortes, A., Ferreira, V., Barbosa Simões, E., Baptista, I., Grando, S., & Sequeira, E. (2020). Food Systems and Food Security: The Role of Small Farms and Small Food Businesses in Santiago Island, Cabo Verde. *Agriculture*, 10(6), 216. <https://doi.org/10.3390/agriculture10060216>

Sommerville, M. (2025). The Geopolitics of Food Security. In Zak Cope (Ed.), *The Palgrave Handbook of Contemporary Geopolitics* (pp. 1–31). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25399-7_56-1

Starkova, O. Ya. (2021). Development of Small Forms in Agriculture. *Agrarnyi Vestnik Urala [Agrarian Bulletin of the Urals]*, (7(210)), 93–100. <http://doi.org/10.32417/1997-4868-2021-210-07-93-100> (In Russ.)

Stringer, L. C., Fraser, E. D. G., Harris, D., Lyon, C., Pereira, L., Ward, C. F. M., & Simelton, E. (2020). Adaptation and development pathways for different types of farmers. *Environmental Science & Policy*, 104, 174–189. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.10.007>

Touch, V., Tan, D. K. Y., Cook, B. R., Liu, D. L., Cross, R., Tran, T. A., Utomo, A., Yous, S., Grunbuhel, C., & Cowie, A. (2024). Smallholder Farmers' Challenges and Opportunities: Implications for Agricultural Production, Environment and Food Security. *Journal of Environmental Management*, 370, 122536. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2024.122536>

Uzun, V. (2005). The Efficiency of Big and Small Business in Agriculture. *Voprosy Ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, (6), 109–118. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-6-109-118> (In Russ.)

Uzun, V. Y., Shagaida, N. I., Gataulina, E. A., Shishkina, E. A. (2022). *Kholdingizatsiya Agrobiznesa Rossii [Holdingization of Russian Agribusiness]*. Moscow: Publishing House 'Delo' of The Presidential Academy, 344. (In Russ.)

Voloshenko, K. Yu., Morachevskaya, K. A., Novikova, A. A., Lyzhina, E. A., & Kalinovskiy, L. V. (2022). Transformation of Food Self-Sufficiency of Kaliningrad Oblast in the Face of External Challenges. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 67 (3), 409–430. <http://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302> (In Russ.)

Информация об авторах

Волошенко Ксения Юрьевна — кандидат экономических наук, директор центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Scopus Author ID: 57201603503; <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155> (Российская Федерация, 236008, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14; e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru).

Иванова Ольга Петровна — доктор экономических наук, заместитель директора, Институт цифровой экономики, управления и сервиса, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; Scopus Author ID: 57194044553; <https://orcid.org/0000-0002-9563-4166> (Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; e-mail: prof-ivanova@mail.ru).

Лялина Анна Валентиновна — кандидат географических наук, научный сотрудник центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Scopus Author ID: 57204661829; <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X> (Российская Федерация, 236008, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14; e-mail: anuta-mazova@mail.ru).

Морачевская Кира Алексеевна — кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет; Scopus Author ID: 57204031644; <https://orcid.org/0000-0003-1269-1059> (Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru).

Плотникова Ангелина Петровна — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Scopus Author ID: 57211959846; <https://orcid.org/0000-0002-5502-8866> (Российская Федерация, 236008, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14; e-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com).

About the authors

Ksenya Yu. Voloshenko — Cand. Sci. (Econ.), Director, Centre for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University; Scopus Author ID: 57201603503; <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236008, Russian Federation; e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru).

Olga P. Ivanova — Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director, Institute of Economics, Management and Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; Scopus Author ID: 57194044553; <https://orcid.org/0000-0002-9563-4166> (41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; e-mail: prof-ivanova@mail.ru).

Anna V. Lialina — Cand. Sci. (Geogr.), Research Fellow, Centre for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University; Scopus Author ID: 57204661829; <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236008, Russian Federation; e-mail: anuta-mazova@mail.ru).

Kira A. Morachevskaya — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, St. Petersburg State University; Scopus Author ID: 57204031644; <https://orcid.org/0000-0003-1269-1059> (7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru).

Angelina P. Plotnikova — Postgraduate researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University; Scopus Author ID: 57211959846; <https://orcid.org/0000-0002-5502-8866> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236008, Russian Federation; e-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 01.04.2025.

Прошла рецензирование: 10.06.2025.

Принято решение о публикации: 25.12.2025.

Received: 01 Apr 2025.

Reviewed: 10 Jun 2025.

Accepted: 25 Dec 2025.